

А. А. Липатов

ПРАВИЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Моральные основания

Алла Купрейченко

Правильное общество

«Питер»

2014

Купрейченко А. Б.

Правильное общество / А. Б. Купрейченко — «Питер», 2014

Эта книга – о праве и «правильности», о том, как право формирует порядок, и о том, как соотносятся нормы права и морали. То есть о главном. Потому что история России, как минимум со времен Петра Романова, искорежена какой-то неизбывной верой в то, что законы – это от лукавого, «вы» навязываете их «нам», потому что сила на вашей стороне, хотя супостаты и нечестивы, но есть Божий суд, и поэтому – есть у нас право плевать на ваши законы. Только тихо, чтобы вы нас не поймали. Эта полумистическая концепция права, оправдывающая отторжение государства, стоит и за церковным расколом XVII в., и за чудовищным масштабом теневой экономики в 90-е гг. XX в., тотальным разрушением концепции капитала и незыблемости прав собственности, и даже за борьбой с «правовым нигилизмом» и призывами к «диктатуре закона» в начале XXI в. Поэтому книга Андрея Липатова, если хотите, – знак надежды. Во-первых, потому что она есть и она об этом. Во-вторых, потому что она написана не теоретиком, а человеком с опытом реального управления большими системами. А в-третьих, потому что она написана представителем поколения 30-летних, которым хватает воли, свободы мысли и образованности, чтобы наконец задать самые важные вопросы. Моисей, как известно, должен был водить свой народ по пустыне 40 лет, пока не умрет последний, кто видел рабство. Мы от этого далеки. Но это первое поколение, которое не видело рабства. И лет через 10–15 управлять страной будут они. К счастью.

© Купрейченко А. Б., 2014

© Питер, 2014

Содержание

Рецензия на монографию А. А. Липатова «Правильное общество»	7
Рецензия на монографию А. А. Липатова «Правильное общество»	9
Введение	10
1. Устройство общества	11
2. О правильном и правильности	12
3. Правила и природа человека	13
Часть 1. Правильное общество и экономика	15
Глава 1. Правильное общество	16
1. Правильное общество как справедливое общество	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Правильное общество

© ООО Издательство «Питер», 2015

В книге использованы фотографии М. В. Мишина.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Рецензия на монографию А. А. Липатова «Правильное общество»

К изданию прилагаются статьи авторов по теме

Проблема общественного устройства на протяжении многих столетий захватывала умы ученых-обществоведов. Для теоретической социологии она и вовсе является центральной. Несмотря на то что различные аспекты этой проблемы рассматривались уже отцами-основателями социологии, нет причин думать, что классики не оставили современному исследователю простора для научного поиска. Напротив, можно даже сказать, что сегодня данная проблема приобретает особое звучание и особую остроту. Ведь определение контуров эффективного и справедливого общества следовало бы рассматривать в качестве важного условия формирования модельных представлений о целевых параметрах развития российского общества и способах их достижения. В этом смысле попытка коллектива авторов выработать модель гармоничного общества, отвечающего ожиданиям населения и одновременно требованиям времени, выглядит оправданной как с научной, так и с практической точек зрения.

Следует согласиться с авторами в том, что общество, отвечающее этим требованиям, должно основываться на доверии людей к социальным институтам и власти, а также соответствовать их представлениям о справедливости общественных отношений, и в первую очередь – отношений распределения и обмена. При этом в ходе теоретического анализа авторы достаточно убедительно показывают, что справедливость и доверие, рассматриваемое и как доверие людей к власти, и как обратное доверие власти к людям, тесно связаны между собой и являются условиями не только эффективного функционирования, но и выживания общества.

В фокусе внимания авторов оказывается проблема обоснования устройства российского общества, отвечающего критериям справедливости и доверия. Предлагая собственный вариант ее решения, авторы соотносят социальные нормы с природой человека, анализируют проблему индивидуализма и коллективизма в России, после чего проектируют контуры правильно устроенной экономики, политической и социальной систем нашей страны, формируют моральные основания рационально устроенного городского пространства России.

Концептуализацию правильного общества авторы выстраивают вокруг понятий доверия и справедливости. Свой анализ они начинают с психологических аспектов доверия, рассматривают доверие как ресурс социальных сетей и как социальный капитал, убедительно показывают, что доверие является имманентной характеристикой современной экономики, условием эффективного функционирования рынков. Интересными представляются попытки авторов произвести ретроспективный анализ правил справедливого общества в экономическом, политическом и социальном аспектах и спроектировать полученные выводы на российскую действительность.

В результате авторский коллектив приходит к выводам, что правильно и эффективно устроенное общество предполагает демократически устроенную и способную отражать волю граждан политическую систему, развитую систему рыночного хозяйства и свободного предпринимательства, а также культуру, содержащую смыслы и ценности, разделяемые в обществе большинством.

Общий объем монографии составляет 15 печатных листов. Работа состоит из введения, 2 частей, включающих 5 глав и 15 параграфов. Структура текста монографии обеспечивает полный и всесторонний анализ сложившихся в России социальных практик в контексте определенного авторами проблемного поля, а также формирование контуров нормативной модели общественного развития нашей страны на ближайшую перспективу.

Издание предназначено для научных и практических работников, учащихся и аспирантов, интересующихся проблемой справедливого общественного устройства. Представленный в монографии материал может быть использован в учебном процессе при подготовке лекционного материала по дисциплинам социально-экономической и социально-политической направленности.

Рецензируемая монография авторов Липатова А. А., Громовой А. И. и Шрадера Х. «Правильное общество: моральные основания» представляет научный и практический интерес и может быть рекомендована к изданию.

Профессор кафедры социологии СПбГУСЭ, д. с. н.

С. А. Давыдов

Рецензия на монографию А. А. Липатова «Правильное общество»

В экономике и социологии проблема правил и правильности общественного порядка – в центре внимания науки. Все новейшие течения в теории новой институциональной экономики посвящены правилам, институтам и организационному устройству общества и экономики. Речь идет о том, как наиболее эффективно организовать правила взаимодействия людей для достижения общих целей и согласования индивидуальных интересов. В монографии «Правильное общество» проблема правильности рассматривается с точки зрения моральных правил – прежде всего, доверия и справедливости. Совершенно верно авторы утверждают, что современная экономика рыночного типа не существует без доверия – люди доверяют людям, государство доверяет бизнесу, граждане доверяют государственным институтам. Это касается и справедливости: общество и экономика не могут функционировать эффективно, если правила обмена или распределения воспринимаются экономическими агентами как несправедливые или незаконные.

Книга состоит из двух частей. В первой части работы разбирается общая концепция правил и правильности (Липатов А. А.), и эта концепция применяется в отношении российского общества и экономики, в том числе и по отношению к правильно устроенному городу – на примере Санкт-Петербурга; во второй части рассматривается проблема доверия, в том числе и экономика доверия. Исследование обладает существенной новизной и оригинальностью в общественно-экономических науках. Это первая монография, которая непосредственно посвящена нормативному аспекту – тому, как должно быть устроено правильное общество. Авторы последовательно проводят идею, что все современные общества устроены принципиально одинаково, и если что-то не так, то дело в неправильном порядке вещей. В частности, авторы уверены, что и Россия может стать страной правильной и комфортной для жизни ее граждан.

Работа не лишена некоторых недостатков, которые всегда присущи работам подобного рода. Во-первых, две части работы не одинаковы в степени своей разработанности и законченности. Так, вторая часть, посвященная доверию, представляет по объему гораздо меньше материала, чем первая, а первая существенно отличается от последующей стилистически; и если вторая часть – коллективный труд, то первая представлена почему-то только одним автором. Во-вторых, стоило бы обратить большее внимание (особенно в тексте первой части) на опыт других стран в решении важнейших социальных и экономических проблем общества. В-третьих, неверно сводить правильность только к моральным основаниям – доверию или справедливости, правильное общество – это общество, основанное на юридических, экономических, политических и других правилах.

В целом, работа заслуживает внимания, обладает новизной, научной значимостью, изложение материала представлено логично и систематизированно. Издание будет интересно как обществоведам, так и экономистам, пригодится и в учебном процессе. Считаю, что монография «Правильное общество: моральные основания» Липатова А. А. представляет научно-теоретический и практический интерес и может быть рекомендована к публикации.

Ректор СПбГЭУ, д. э. н., профессор

И. А. Максимцев

Введение

1. Устройство общества

Является ли общество, в котором мы живем, правильным? То есть правильно ли оно устроено? Ведь мы видим, что общества бывают разными, в одних жить явно лучше, в других хуже. Есть и совсем очевидные примеры, всем бросающиеся в глаза, – например, Северная и Южная Корея или еще недавно ФРГ и ГДР. Вроде один народ, одна культура, один язык, одна психология – а общества совсем разные. Например, Южная Корея вплотную приближается по уровню и качеству жизни, по состоянию экономики к самым высокоразвитым странам, а в Северная – испытывает трудности в продовольственном обеспечении и зачастую голод. Что не так? Оказывается, общества могут быть различно устроены, и природа человека тут ни при чем. Просто люди строят правила совместного существования, они могут быть эффективными или нет, пригодными для жизни или нет. Вот и необходимо рассмотреть вопрос – а какие правила необходимы?

Мы в этой книге не говорим обо всех правилах или институтах, в фокусе нашего исследования – только два общественных феномена: справедливость и доверие. Мы хотим показать, что правильно устроенное общество опирается на два моральных принципа. Первый: люди доверяют друг другу, общественным институтам и власти, а власть доверяет им. Второй: общественные отношения, особенно распределение и обмен, устроены более или менее справедливо с общей точки зрения – то есть люди в большинстве своем согласны с правилами распределения. Если нет ни первого, ни второго (потом мы покажем, что первое без второго не существует), тогда общество может худо-бедно существовать, но не способно эффективно функционировать. Если каждый не доверяет каждому, а процедуры несправедливы со всех точек зрения – то издержки как социальные, так и экономические слишком высоки. Такое общество всем невыгодно, оно неминуемо будет трансформировано или погибнет, поглощенное другими обществами.

В целом все современные общества, несмотря на их внешние различия, – Россия и США, Евросоюз и Китай – устроены примерно одинаково. Ими управляют несколько систем, ими движут несколько механизмов: политический, экономический, культурный и социальный. Политика отвечает за цели – куда движемся, зачем и что хотим сделать, это явно и неявно отражается в программах политических партий. Экономика отвечает за средства – как достичь тех целей, которые поставлены, как обеспечить выживаемость и приспособиться к изменчивой окружающей среде. Культура, в том числе мораль и религия, образование и наука, литература и искусство, отвечает за рационализацию и средства коммуникации – как осуществляется понимание и общение между людьми (язык, основные смысловые конструкции, моральные и этические ценности). Социальный механизм отвечает как раз за нормы и правила, институты, роли, отношения – он как бы соединяет в одно целое все другие механизмы или системы общества (самые простые, явные нормы и правила – это право в виде юридического закона и его применение).

Так вот, правильно и эффективно устроенное общество предполагает определенную конфигурацию таких общественных систем. История и сравнительный анализ обществ показывают следующее. Политическая система должна быть устроена демократически – так или иначе отражать волю граждан, которые могли бы тогда делегировать политикам (партиям, парламенту, правительству) свои полномочия. Экономика находит наиболее эффективные средства в системе рыночного хозяйства и свободного предпринимательства (конечно, при условии разумного государственного регулирования). Культура обеспечивает общие, разделяемые всеми смыслы и ценности, что создает основу для понимания, диалога и коммуникации. Для этого необходима поддержка образования и науки, культуры и искусства, очень важна свобода слова, свобода совести, свобода дискуссии – когда с помощью диалога определяются возмож-

ные точки соприкосновения или появляется общая точка зрения. А общество – его социальное ядро – устанавливает такие нормы и правила (общественные институты), что различные индивиды могут свободно сосуществовать друг с другом. То есть общество выступает кооперативным предприятием для достижения общей пользы, а не общего блага (в современном обществе понятие блага у всех будет различным), в таком обществе каждый, не утрачивая своей индивидуальности, может сосуществовать с другими. Это социальное ядро общества (societal community) дает возможность людям, совершенно разным по характеру, мировоззрению, занятию, интересам, жить сообща, не нанося ущерб индивидуальности и личной свободе друг друга.

С этой позиции мы хотели бы рассмотреть и ситуацию в России. Нам кажется, что Россия – как раз такой пример, когда социальные системы рассогласованы. И главное – неправильно устроена сама социальная система. Политика более или менее устроена демократически, экономика – так или иначе основывается на рыночных принципах, культура вполне адекватно обеспечивает общество средствами рационализации. А вот общество устроено неправильно – посмотрите, какая агрессия между людьми, хороший пример – водители на наших дорогах. Наши российские люди не могут сделать что-либо вместе – чтобы убедиться в этом, надо хотя бы один раз присутствовать на собрании какого-нибудь товарищества собственников; посмотрите, как люди не доверяют государству и как государство не доверяет гражданам; как процедуры распределения устроены несправедливо со всех позиций – нет того, кто был бы доволен. В России парадоксально недовольны и бедные, и богатые; и рядовые граждане, и политики; и профессора, и рабочие – прямо война всех против всех, какая-то стратегия, где не выигрывают и не проигрывают, а все в проигрыше. Как говорил когда-то Артур Невилл Чемберлен: «В войне не бывает выигравших – только проигравшие».

Можно ли что-либо сделать? Конечно, но сначала надо разобраться с научной точки зрения – что такое правильное общество и как оно работает, какие существуют правила доверия и справедливости, как работают социальные механизмы и моральные принципы, как они возникли и как развиваются. Без этого все рассуждения останутся благими намерениями.

2. О правильном и правильности

Понятие «правильность» мы рассматриваем как что-то верное или соответствующее некому критерию истинности или ориентиру. Само слово «правильный» в древнеславянском языке означало «прямой», отсюда – «править» в смысле выпрямлять. «Правильное» – это нечто, устроенное «правильно», то есть по некоторым правилам – в английском языке это называется rights-based. Мы пока не говорим, какие это правила, – они могут быть разными (юридическими, моральными и т. д.), но они необходимы, чтобы была «правильность». В «правильном» всегда есть устройство, а значит, существуют и упорядоченные правила, которые понимаются и принимаются людьми, эти правила ограничивают действия и сдерживают поведение людей и их аффекты, подчиняют их социальным нормам. Наличие правил, начиная с древнего общества, всегда рассматривается как положительное, а их отсутствие – как отрицательное, что нашло отражение в римской поговорке «Dura lex, sed lex», которую часто переводят так: «Закон суров, но это – закон», но есть и другой смысл: «Лучше плохой закон, чем никакого». Именно римское право подарило нам драгоценную особенность правил, которая сохранилась и поныне, – их можно рассматривать как правила общие – то есть применимые для каждого частного случая, и всеобщие – то есть применимые ко всем, невзирая на лица. Правила не всегда существуют как обязательный порядок – свод законов – или принимаются людьми сознательно, иногда они вдруг появляются и быстро исчезают – такова, например, мода, изменчивая и скоротечная, в ее сущности – необходимость меняться. Правила можно соблюдать или нарушать – как обычай или традицию, но если они остаются надолго, их одно-

значно трактуют и придерживаются, то правила превращаются в установления – институты. Например, важнейшие институты – семья, религия, государство.

Общественные правила в современном мире, начиная с эпохи Нового времени, воспринимаются как рациональные – основанные на разумных доводах. Например, дуэль или поединок в Средние века как способ выяснения истины – а не отношений – уступает требованиям суда предоставить рациональные аргументы или доводы сторон в споре. Правила предполагают рационализацию – они должны быть более или менее точно сформулированы, а также должны подчиняться общепринятой логике и функциональности, чтобы было понятно, почему и для чего они установлены. В европейском мышлении мы понимаем сейчас правила как эффективные – то есть они предназначены для того, чтобы меньшими затратами получить больший результат. Мы осознаем это на уровне здравого смысла. В других культурах все происходит иначе, у нас же эффективные правила должны вести к сокращению расходов, будь то экономические прямые или косвенные, транзакционные или социальные издержки. Это и есть в повседневной жизни оправдание существования правил.

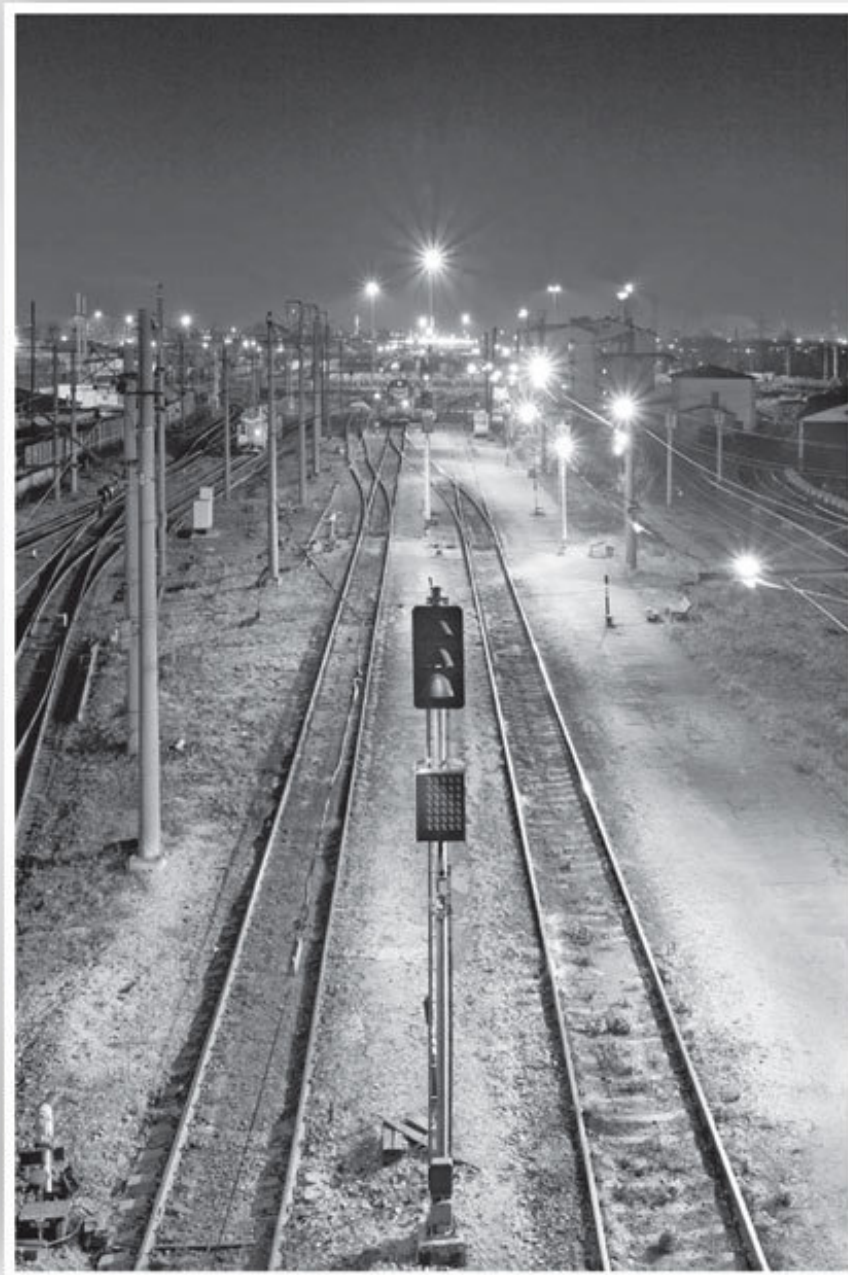
Наконец, правила должны быть легитимными – либо они законны, и тогда мы им подчиняемся, потому что за ними стоит вся сила государственного принуждения, либо обладают некоей степенью моральности, которая не обеспечивается силой правосудия, но принадлежит сфере порядочности и самосознания. Только так правила становятся более или менее справедливыми, признаваемыми всеми нами. Современная эпоха с ее тотальной социальной дисциплиной, и прежде всего – самодисциплиной, становится главной ареной, на которой выступают многочисленные правила, регулирующие поведение людей. Куда бы ни пошел человек современной цивилизации, везде его ждут более или менее явно установленные правила, которые он вынужден соблюдать – или нарушать, и тогда идти против общественных сил. Каждая общественная ситуация выступает заранее нормированной, где уже написаны социальные роли и правила их исполнения и готова к аплодисментам публика. Не только язык уже заранее структурирует наше мышление по правилам – за подлежащим должно следовать сказуемое. Но даже индивидуальное проявление чувств разыгрывается по заранее существующим правилам и сценарию, а индивиду доступна только лишь небольшая импровизация. Вот пример. Ирвинг Гофман говорит о предсмертных записках, оставленных самоубийцами: «Дорогая, когда ты будешь читать эту записку...» – скомкано и выброшено в мусорную корзину, и далее оставлен вариант, который, с точки зрения несчастного действующего лица, более соответствует или приличествует правилам ситуации, – хотя какие же тут могут быть правила? Вот так разворачивается настоящая драматургия социального действия – по правилам поведения роли.

3. Правила и природа человека

Очень часто человеческое поведение объясняют его некоторой неизменной природой. Или говорят о некоторых социокультурных или национальных особенностях поведения. В частности, поведение россиян объясняют национальным характером. Но вот пример: в Финляндии большие штрафы за нарушение правил дорожного движения, они зависят от размера заработной платы, за некоторые нарушения наказанием является тюремное заключение – финны приучены соблюдать закон, и поэтому все ездят строго по правилам. Российские водители в Финляндии сначала не понимают, почему финны так водят, но стараются следовать примеру большинства и ездят корректно, а уже если получают штраф – то больше не нарушают никогда. Теперь вопрос: как ведут себя финны в России? Парадокс вот в чем: финские граждане, приезжая в Россию, начинают через какое-то время гонять и лихачить точно так, как это делают россияне. Почему? А все потому, что так устроены правила. Нет смысла говорить о том, что природа людей зависит от их национальности и культуры, люди везде одинаковы, несмотря на их культурные, исторические и национальные различия, – все дело в том, какие

правила установлены в данной стране. Это утверждение ни в коем случае не отрицает значимость национальных различий – смысл его в том, что люди разных национальностей одинаково ориентируются на установленные правила и санкции за их неисполнение. Зачастую существующие правила не являются эффективными, хотя бы даже потому, что нет таких санкций, которые бы их регулировали. Важно, чтобы правила признавались и уважались обществом, иначе они не будут соблюдаться. А то, как говорят в России, строгость правил компенсируется необязательностью их исполнения. Для эффективной работы правил необходима определенная система – это прежде всего система предотвращения правонарушений, судебная система, но также и система исполнения судебных решений. Правила будут соблюдаться только тогда, когда каждый гражданин может беспрепятственно обратиться в суд за помощью и решением своего вопроса.

Часть 1. Правильное общество и экономика

Глава 1. Правильное общество

1. Правильное общество как справедливое общество

Мы определяем правильное общество как такое, в котором господствуют правила нашей совместной жизни, и эти правила дают нам драгоценную возможность сосуществовать, не теряя нашей индивидуальности и самовыражения. Но какие сами по себе эти правила?

Есть общие права, которыми наделены от рождения все люди: это право на жизнь – и не просто право на хоть какую-нибудь жизнь, а право на жизнь, достойную человеческого существования; право на свободу – свободу жить так, как ты сам считаешь правильным, и свободу выбирать правильное место для жизни; право на труд – не просто право на какую-нибудь работу, а право на работу, достойную человека; право на собственность – личную и частную, защищенную от проникновения других. Каждый имеет право на жизнь, и ничья жизнь не перевешивает другую; все люди пользуются равной свободой, но при этом свобода одного не должна ограничивать свободу другого; каждый человек должен иметь возможность реализовать себя в трудовой деятельности и найти способ самовыражения своей личности; независимо от того, являетесь ли вы собственником или нет, все люди одинаково обладают правом иметь собственность, которая защищена законом от посягательств других. Основной принцип распределения таких общечеловеческих прав – безусловное равенство. Но когда мы говорим о распределении других прав или благ, то здесь принципы гораздо более сложные, чем такое равенство. Для того чтобы, например, заполнить вакансии в офисе, принцип равенства или принцип случайности (по жребию) не подойдет – каждой должности соответствует работник особой квалификации. Мы ведь не настаиваем, чтобы правом на бесплатное лечение пользовались все в равном количестве, а считаем правильным, что его получают только те, кому это действительно нужно, то есть только те, кто заболел. Для всех сложных процедур и правил распределения и обмена в обществе выработано понятие справедливости. В правильном обществе не просто господствуют правила, в правильном обществе эти правила справедливы и воспринимаются большинством граждан и государством как справедливые.

Поступать справедливо по отношению к другому – вот наша цель и задача правильного общества. Но что значит – поступать справедливо? Справедливо ли поступать согласно закону? Так считали не всегда, ведь само понятие закона пришло в нашу жизнь не так уж давно. Законное стало пониматься как справедливое только в эпоху римского права, до этого господствовал принцип талиона как принцип справедливости. Все архаические общества строили свое понимание справедливости именно так: око за око, зуб за зуб, палец за палец и т. д. Соответственно, в качестве способа выяснения отношений применяли кровную или родовую месть, а не закон. Но архаические, и особенно примитивные общества не знали, что основной принцип общественного бытия – различие действий; все поступали одинаково, согласно общим правилам, имеющим божественное предназначение.

В классических обществах древности – Греции и Рима – все общественные отношения существенно умножились и усложнились. Поэтому эти общества заложили новую основу социального взаимодействия: люди вырабатывают общий принцип урегулирования отношений, и каждый конкретный, частный случай рассматривается только с точки зрения общих правил. Вот это и есть драгоценное моральное правило юстиции римского общества – люди согласились считать законное, установленное людьми, а не богами, справедливым и правильным. Однако не все люди были равны перед законом, только свободные выступали перед судом, для лишенных прав (для рабов) в суде необходим был свободный представитель – так появился в нашей жизни адвокат и институт адвокатуры.

Итак, справедливое – это законное. Но это еще не все, этого будет мало – ведь законом регулируются только самые общие правила действия, и древние тоже понимали, что социальная жизнь гораздо богаче понятий законного и незаконного. Законом не регулируется то, что называется порядочностью, поэтому, считал Аристотель, поступать справедливо – это поступать порядочно, с учетом не только требований закона, но и принятых в данном обществе моральных правил. Справедливость как закон или справедливость как моральное обязательство – это разные понятия. Как учил нас Иммануил Кант, с моральной точки зрения поступать надо так, чтобы твои действия могли бы быть общим правилом для всех остальных. В реальной жизни многие, не зная этого утверждения Канта, которое называется «категорический императив», выстраивают свои действия по его подобию – поступай по отношению к другому так, чтобы ты мог представить себя на его месте (например, ответственные строители часто вводят следующий принцип строительства – надо строить для других так, как для себя). Что касается второй стороны категорического императива: «Надо относиться к другому человеку не только как к средству, но всегда как к цели», то здесь ситуация морально более сложная. Люди в современном обществе всегда используют друг друга. Но хорошим подспорьем в моральной практике реальной жизни является слово «только» у Канта. Ведь все считают, что нехорошо использовать других в своих целях, но спасает людей то, что они относятся к другому «не только» как к средству.

Утверждение о моральной значимости человеческой личности, которая не может быть средством для другого, следует исторически из христианской религии. Именно там впервые было определено общее равенство – все равны перед единым Богом, все души одинаково принадлежат одному Господу Богу. Это положение существенно отличалось от многообразия божеств в древнем обществе – там были и общие государственные боги, и региональные, а еще местные и домашние. Разные боги относились к людям по-разному. Все они регулировали справедливость в многообразии отношений неравных социальных групп – боги были не равны, как и люди были не равны. Боги вели себя как люди – обманывали, воевали друг с другом, принимая различные обличья, смешивались с людьми, и их потомки превращались в героев. Христианство как монотеистическая религия ввело принцип всеобщего равенства, в том числе и равенства жизни людей, было решено, что все жизни людей, и знатных, и незнатных, одинаково даны Богом. Но этот Бог – единый и справедливый – теперь навсегда покинул земной мир людей, переселившись в недоступный им при жизни божественный мир. Две стороны принципа равенства – равенство всех перед законом и равенство жизни людей, когда ничья жизнь не имеет большей ценности перед Богом, – были сформированы Античностью и Средними веками и стали определяющими для понимания справедливости традиционного общества.

Античное общество также сформировало и второй базовый принцип справедливости – принцип свободы. Именно свободным гражданам принадлежала вся полнота гражданских прав, они осознавали и ценили свободу только в противовес ее противоположности – рабству. Но не только свобода имела общественное признание, социальное значение рабства было также очень велико. Впервые в истории люди другого общества получили хоть какую-то возможность сохранить свою жизнь и получить право жить в чуждом и враждебном им обществе, ведь в архаических обществах пленных, как правило, убивали. Рабство как институт означало способность интегрировать чужого в общество и сохранить ему жизнь. Рабы не были полностью лишены прав, например у них было довольно забавное, но законное право доносить властям на своих хозяев, а также владеть собственностью, рабы имели право выкупить свою волю и т. д. Христианство тем и победило античное моральное устройство, что расширило понятие свободы на всех. Всем, и свободным, и рабам, была предоставлена свобода веры. Женщины, которые всегда ограничивались в правах веры, рабы и чужестранцы – все стали равны по отношению к единому Богу и стали свободны в стремлении своей души верить в него. Вот так свобода – прежде духовная, чем гражданская – стала определяющим направлением справедливости.

Итак, мы видим, что равенство, законность и свобода стали в ходе исторического развития основными характеристиками справедливого общества. Современные общества еще больше выдвигают требование свободы как основную ценность справедливости, ведь рыночные отношения требуют свободы выбора, и эта свобода выбора переходит все недоступные ей ранее границы. Все, что делает свободным индивида, – справедливо. Свобода воспринимается как независимость от других, зависимость же признается только от законов, но свобода подразумевает еще и свободу выбора.

Теперь принцип свободы выбора распространяется не только на выбор торгового партнера, но и на выбор спутника жизни – раньше брак заключался родителями жениха и невесты и всегда был социально целесообразен. Например, для крестьян была важна хозяйственная составляющая, брак отражал необходимость создания экономической единицы – домохозяйства. Для аристократов брак был необходим как способ продолжения знатного рода, он был возможен только с равнородными особами (даже в 2005 г., когда японская принцесса Саяко вышла замуж за «простолюдина», она по закону лишилась титула принцессы, а британский король Эдуард VIII в 1936 г. отрекся от престола, когда женился на американской актрисе Уоллис Симпсон). В раннем капиталистическом обществе отчетливо проявляется принцип выбора брачного партнера, основанный на свободных романтических чувствах каждого, – это и есть свобода выбора в любви, не взвешивающая на знатность и вражду родов (история Ромео и Джульетты), отраженная в литературе XVI–XVII вв. Однако не только ценность и моральность выбора по любви, а не по принципу целесообразности или расчета характеризуют свободу и справедливость общественного устройства. В эпоху Нового времени принцип счастья и пользы становится характеристикой справедливости.

Если древние и средневековые общества трактовали справедливость больше как общее социальное чувство, то в Новое время справедливость начинают понимать рационально и математически рассчитывать. Справедливое связывают с общественной пользой – то, что приносит благо большинству людей, может считаться справедливым. Отцы американской демократии, Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон, говорили, что справедливо лишь то, что приносит некоторую пользу. Франклин утверждал, что британская монархия, например, в Америке не приносит общественную пользу, поэтому у народа есть право на восстание и свержение монархии. Или вот знаменитая утилитарная формула законодательства Франклина: «Лучше пусть сто виновных избежат наказания, чем пострадает один невиновный».

Общество – договорная конструкция, договоры между людьми регулируют социальные отношения и тем самым приносят пользу, поэтому справедливость состоит в выполнении договоров. Но справедливость – не только польза для общества, справедливость – это когда большинство людей чувствуют себя счастливо. А что же такое счастье? Для нас, современных людей, ясно, что счастье – это только короткий миг в нашей полной забот и тягот непростой жизни. Но утилитаристы, сторонники приоритета общественной пользы, – Бентам, Милль, Франклин – считали, что у людей есть право на счастье! Поэтому счастье необходимо рассчитывать. Как это возможно? Только если рассуждать от обратного: счастье – это отсутствие страдания. Значит, правильное общество – такое, в котором возможно минимизировать страдания всех людей. Это очень удобная формула справедливого общества – надо просто рассчитать баланс удовольствий и страданий, и то, что устраняет страдания, – правильно и справедливо. Очень интересно, как сторонники этой точки зрения относились к моральным вопросам современности – например, к рабству. И Томас Джефферсон, и Джордж Вашингтон сами были рабовладельцами, и проблема рабства считалась ими в «Декларации независимости» технически неразрешимой, они, наверное, рассчитывали баланс страданий, которые будут причинены рабовладельцам при отмене рабства. Именно этот пример и показывает слабую сторону утилитаризма как моральной теории – институт рабства был экономически эффективным и

полезным для общества, но все же рабство было в конце концов отменено как несправедливый институт. Почему?

Потому что в капиталистическую эпоху люди стали воспринимать общество и государство как институт общественного договора – свободные люди договариваются о правилах совместной жизни. Так вот, никогда одна сторона в договоре не могла признать рабство справедливым институтом, даже если бы оно приносило пользу или общий баланс счастья был бы положителен. Кстати, заметим, что невозможность правильно решить вопрос о рабстве с моральной и юридической точки зрения привел в итоге к тому, что его отмена вылилась в полномасштабную гражданскую войну в США, в то время как в России вопрос об отмене крепостного права был решен так, что не вызвал никаких социальных потрясений. К сожалению, гражданской войны стране не удалось избежать позже, хоть и по другой причине – в эпоху революций, в 1917 г., российскому обществу, так же как ранее американскому, не удалось прийти к соглашению о правильных путях развития страны. Как видите, цена того, что не удалось договориться, была в обоих случаях слишком высокой.

Развитое капиталистическое общество в XVIII–XIX вв. вводит иные, противоположные утилитаризму, правила свободы и справедливости. В то время эгоизм как преследование собственных корыстных интересов в ущерб другим считается главной угрозой правильному обществу. Кант объявляет эгоизм природным качеством человека, нравственность, прежде всего долг, ограничивает его. При этом свобода заключается в способности отказываться от собственных слепых чувств и желаний. Когда человек следует инстинктам – он поступает как животное, а когда он противостоит своим желаниям – поступает как личность, как свободный человек. Свобода – это долг, а не произвол, как утверждал Барух Спиноза, свобода – «осознанная необходимость». Согласно идеям Гегеля, свобода – это фундаментальное начало духа. Свобода, по его мнению, возможна только в государстве, где человек обретает свое достоинство, становится независимой личностью. Именно в государстве индивид по собственной свободной воле подчиняет себя правлению, так как доверяет ему и не ожидает обмана или предательства.

Итак, свобода стала частью самого понятия «человек», и только после этого стало возможно говорить о справедливости. Когда свободный человек стал основной целью и достоинством государства, появилась возможность строить власть государства на доверии и терпимости, а не на принуждении и страхе. По мнению Гоббса, ради всеобщей справедливости и безопасности люди заключают между собой договор, где каждый должен пожертвовать частью своей свободы для всеобщего благополучия. Но при полной всеобщей свободе, ограниченной лишь свободой других, мы должны принять за правило терпимо относиться к другим, поэтому Джон Локк пишет в работе «A Letter Concerning Toleration» (1689), что первым принципом настоящей церкви должен быть принцип терпимости к другим религиям, а люди должны с терпением относиться к образу жизни и мыслей других людей.

Отцы французской революции – Вольтер, Монтескье, Руссо – провозглашали основными ценностями свободу, равенство и братство, в которых они видели воплощение справедливости по отношению к человеку. Свобода приобрела у них антропоморфную сущность, ее символизировала фигура женщины, вспомните статую Свободы, подаренную французами американцам. Также у свободы появилась законченная юридическая формула – «Разрешено все, что не запрещено законом». Равенство реализовалось как всеобщее избирательное право (правда, это равенство распространялось только на мужчин, для женщин равное избирательное право появилось только в XX в.). Но вот что важно – третьим принципом справедливости было объявлено братство, что означало социальное равенство. Все люди рождены равными, считал Руссо, значит, любое неравенство – несправедливо, в том числе и имущественное. Поэтому в ходе революции имущество и земли дворянства конфисковывались и подлежали перераспределению в пользу неимущих. Тогда же Руссо теоретически обосновал и справедливость дикта-

туры большинства – для обеспечения свободы и справедливости оправдан террор, необходимо принуждение к свободе.

Теперь марксистам оставался один шаг: объявить, что справедливость – только классовая категория. Нет общей морали, общих человеческих ценностей – а только мораль буржуазии или мораль пролетариата, справедливость буржуазии или справедливость пролетариата. Все капиталистическое общество было объявлено в принципе несправедливым, а ради будущего справедливого общества оправданы как насилие, так и принуждение. Как утверждали революционеры, «светлое будущее требует жестких мер». Результат этих «жестких мер» нам теперь хорошо известен. Везде, во всем мире, там, где отрицались общие принципы морали, общечеловеческие ценности и, прежде всего, неприкосновенность человеческой жизни, везде, где было ограничение свободы ради будущей полной свободы и торжества справедливости, царила еще большая несправедливость и преступления против народа. Под лозунгом диктатуры большинства приходило к власти меньшинство, неравенство еще больше увеличивалось за счет нищеты большинства людей и немыслимого богатства некоторых избранных, везде проводились массовые репрессии и устанавливался тоталитаризм. Однако там, где принцип социального равенства проводился законными средствами – через конкуренцию социал-демократических партий с другими политическими силами посредством легитимных выборов – удалось построить удачную модель социально справедливого общества. Прежде всего, это получилось у скандинавских стран, граждане которых признают справедливость устройства своего общества, несмотря на политику перераспределения и высокие налоги как для физических, так и для юридических лиц.

Суммируя различные точки зрения, можно сказать, что принципы равенства, свободы, законности, честности являются определяющими для понимания справедливости как основы общественного устройства. Свободен тот, кто не зависит от другого человека, а зависит от всеобщего закона, тот, кто понимает свой долг и обязанности перед другими людьми и перед собой. Принуждение никогда не может быть справедливым. Но если античное общество требовало справедливости прежде всего от богов, а средневековое – от единого Бога, то современное общество требует справедливости правил. Мы требуем справедливости даже не от конкретного человека – правителя или политического лидера, а от системы. Поэтому правильное общество – это системно организованное общество свободных индивидов, которые равны перед законом и обладают равными человеческими правами.

Но насколько простираются требования социального равенства как принципа справедливости? Мы уже отметили, что все способы насильственного обеспечения свободы и равенства обречены на неудачу. Но если учитывать мирный характер преобразований, какой должна быть политика рыночных государств в отношении перераспределения, направленного на создание справедливого общества?

В экономической и социальной науке, в том направлении, которое получило название «неоавстрийская школа» (Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес), понятие социальной справедливости полностью отрицается. Критикуя плановую систему социалистического общества, Хайек утверждает, что этот путь – дорога к рабству, что социальная справедливость – совершенно пустое, бессодержательное понятие. Справедливыми или несправедливыми могут быть только действия индивида, а не общества, поскольку общества не действуют, действуют только люди. Если вы предоставляете право обществу в лице правительства перераспределять совокупный доход, то делить будут не все, а конкретные люди, и будут ли цели этого перераспределения моральными – это еще вопрос. Поэтому только индивид сам должен решать, какую часть своего дохода он может потратить на благотворительность и социальную помощь, и только такой порядок будет справедливым общественным устройством. Но идеи Хайека и Мизеса не получили особого признания в обществе первой половины XX в. Почти все государства перешли от политики свободного рыночного хозяйства к политике регулируемого рыночного

хозяйства, а в послевоенную эпоху утвердилась модель государства благосостояния (welfare state), или социального государства, которое предполагает активную политику перераспределения доходов в целях обеспечения социального равенства. И до сих пор во всех западных странах доля налогов в составе валового общественного продукта растет и достигает 30–40 %.

Моральное оправдание политика перераспределения государства благосостояния получила в теории справедливости Джона Роулза, известного своей фундаментальной книгой «Теории справедливости» – одной из самых значительных работ в моральной философии XX в. В 70-е гг. Роулз становится центральной фигурой американской моральной философии. Он создает особый дискурс справедливости, который рассматривает исключительно с точки зрения рациональности и долга. Он выступает против утилитаристской концепции справедливости, которая предполагает некий баланс положительных и отрицательных следствий. Например, мы знаем точно, что курить – однозначно плохо для здоровья, но утилитаристы считают так: если положительный эффект от снятия стресса после сигареты будет больше, чем вред, оказанный сигаретой на физическое здоровье человека, то курить можно. Следовательно, не надо запрещать курение в обществе. Антиутилитаризм провозглашает следующее: курить – это вред, значит, тот, кто сознательно выбирает такой стиль жизни, вправе так поступать, только если он не наносит этим своим выбором ущерб окружающим. Справедливость – это взаимное соглашение сторон, поэтому одна сторона никогда не примет вред, который ей может быть нанесен пассивным курением другой стороны, учитывая даже возможные положительные последствия для самого курильщика. Утилитаризм ратует за справедливость цели, то есть предполагается, что в обществе существует некое общее благо, например общее счастье, или спасение, или свободное развитие человека, или принцип экономической эффективности. Но в действительности в современном обществе, в отличие от древних обществ и даже средневековых городов-государств, организованных по принципу коммуны, нет никакого общего блага, которое могло бы быть принято всеми и могло бы выступить критерием справедливости. Наше общество состоит из совершенно разных людей, у каждого из которых свое понимание блага и того, как прожить свою жизнь, им надо договориться о совместном существовании, поэтому они принимают справедливость как принцип установления правил, а не как принцип достижения блага. Итак, общество для Роулза – договорное предприятие, оно не предполагает достижения какой-либо цели, оно справедливо организует совместное существование людей с помощью справедливых институтов.

Как же договориться этим свободным людям, если бы им пришлось строить такое общество справедливых правил? Роулз предполагает, что главный принцип договора – честность, поэтому он и понимает справедливость как честность. Это означает, что каждый свободный индивид должен ради всеобщей свободы добровольно ограничить по соглашению свою свободу и должен в начальный момент договора предположить, что не знает своего реального состояния – богат он или беден, здоров или болен, преуспел в жизни или нет. Роулз называет такое положение «занавесом неведения» (veil of ignorance). Для чего? Чтобы решить, как установить правила без учета личной выгоды, например, в пользу бедных или богатых. Мы ведь и в действительности не знаем, что нас ждет в будущем, так как жизнь очень переменчива. Цель каждого индивида – удовлетворить прежде всего собственные интересы, опираясь на определенные моральные установки. Роулз считает, что все люди по сути дела – те же рациональные эгоисты, но действующие под «вуалью неведения». Что же они будут считать справедливым? Если люди не знают своего будущего благосостояния, то, предполагая, что их положение может оказаться не самым лучшим, они предпочтут, чтобы тем, кто находится в худшем положении, доставалось больше из «общего пирога», – так, по Роулзу, мыслит экономический человек современного рыночного общества. То есть если вы вдруг окажетесь бедны, то общество должно больше помогать именно вам, а если вы богаты – то вам не жалко поделиться с

другими. Исходя из этого предположения, Роулз и формирует два базовых принципа справедливого общества.

Первый принцип справедливости: все люди имеют равные права на основные свободы. Это главный принцип – справедливость основана на равенстве прав, но заметим – не на равенстве доходов. Роулз, как и многие другие, понимает, что полное равенство доходов в обществе обеспечить невозможно. Можно взять и поделить все деньги поровну среди всех членов общества, но завтра опять наступит неравенство, так как каждый по-своему распорядится этими средствами. Один проиграет свои деньги в карты, другой их потеряет, третий подарит кому-нибудь и т. д. Поэтому простое равенство касается только основных прав и свобод, заметим опять – только основных.

Второй принцип справедливости: неравенство оправдано только тогда, когда оно всем выгодно, в первую очередь выгоды должны получать те, кто находится в худшей ситуации. Неравенство всегда будет существовать, но оно должно быть оправданным и эффективным, то есть всем приносить выгоду. Например, общество допускает неравенство в доходах или собственности, но такое неравенство должно быть морально оправдано – богатый человек должен платить повышенные налоги, из которых безработный или бедный человек получит социальное пособие.

Суть теории справедливости Роулза, как видите, сводится к оправданию социальной политики государства благосостояния – все должны иметь минимальный набор благ, но люди могут быть и богатыми, и бедными, благодаря неравенству между ними происходит перераспределение ресурсов. Зависимость простая: когда богатые становятся еще богаче, бедные от этого получают больше выгод. Для этого существует налоговая система – прогрессивное налогообложение доходов, повышенные налоги на предпринимательскую деятельность и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.